

Вестник Череповецкого государственного университета. 2025. № 1 (124). С. 161–169.
Cherepovets State University Bulletin, 2025, no. 1 (124), pp. 161–169.

Научная статья

УДК 821.161.1

<https://elibrary.ru/wxffpz>

<https://doi.org/10.23859/1994-0637-2025-1-124-13>

**Специфика пейзажа в путешествиях русского сентиментализма
(на материале дилогии П. И. Сумарокова)**

Ольга Викторовна Кублицкая

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
Санкт-Петербург, Россия

elkala@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1411-1567>

Аннотация. В статье описаны модели пейзажных описаний в путевой прозе П. И. Сумарокова – одного из последователей Н. М. Карамзина. На примере природоописаний дилогии «Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году. С историческим и топографическим описанием всех тех мест» (1800) и «Досуги крымского судьи, или Второе путешествие в Тавриду» (1803–1805) сделан вывод, что пейзаж в прозе Сумарокова двупланов: с одной стороны, речь идет о документально точной характеристике определенных географических объектов (натурные описания), с другой – о пейзаже как элементе эстетического.

Ключевые слова: П. И. Сумароков, русский сентиментализм, литература путешествий, пейзаж

Для цитирования: Кублицкая О. В. Специфика пейзажа в путешествиях русского сентиментализма (на материале дилогии П. И. Сумарокова) // Вестник Череповецкого государственного университета. 2025. № 1 (124). С. 161–169. <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2025-1-124-13>; EDN: WXPFPZ

**Specificity of landscape in Russian sentimentalists' travels
(based on P. I. Sumarokov's diology)**

Olga V. Kublitskaya

Herzen State Pedagogical University of Russia,
St Petersburg, Russia

elkala@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1411-1567>

Abstract. The author describes the models of landscape descriptions in the travelling prose of P. I. Sumarokov – one of the followers of N. M. Karamzin based on the material of nature descriptions in the diology “Journey across Crimea and Bessarabia in 1799. Analyzing “With Historical and Topographical Description of All Those Places” (1800) and “Leisure of the Crimean Judge, or Second Journey to Taurida” (1803–1805) the author concludes that the landscape in Sumarokov's prose is two-dimensional: on the one hand, it is a documentarily accurate

characterisation of certain geographical objects (field descriptions), and on the other hand – of landscape as an aesthetic element.

Keywords: P. I. Sumarokov, Russian sentimentalism, travelling literature, landscape

For citation: Kublitskaya O. V. Specificity of landscape in Russian sentimentalists' travels (based on P. I. Sumarokov's diology). *Cherepovets State University Bulletin*, 2025, no. 1 (124), pp. 161–169. (In Russ.) <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2025-1-124-13>; EDN: WXFFPZ

Введение

В литературном процессе в России рубежа XVIII–XIX вв. особое место принадлежит сентиментальным путешествиям. Развитие путевой прозы на протяжении XVIII столетия было во многом обусловлено экстралитературными факторами – становление империи, территориальная экспансия и «внутренняя колонизация» нашли свое отражение в текстах разнообразных жанровых форм: от отчетов об экспедициях и записок участников военных конфликтов до путешествий собственно литературных. В документальных и художественных текстах происходит освоение и осмысление пространства, важным элементом которого является пейзаж.

В данной статье мы обратимся к анализу структуры пейзажных описаний в текстах Павла Ивановича Сумарокова (1767–1846), государственного деятеля, переводчика, прозаика, драматурга, автора дилогии о путешествии по Крыму: «Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году. С историческим и топографическим описанием всех тех мест» (1800) и «Досуги крымского судьи, или Второе путешествие в Тавриду» (1803–1805) в двух частях. В исследованиях последних лет предпринимаются плодотворные попытки осмыслить освоение Крыма через реконструкцию определенных культурных кодов, в том числе пространственных (Крым как новая Аркадия, «оазис», мифологема и др.¹).

Сочинения П. И. Сумарокова принято рассматривать в традиции сентиментализма, однако, как подчеркивает О. Б. Кафанова, «личность автора-повествователя проявляется у С[умарокова] весьма сдержанно. Он стремится к объективному описанию природы, климата и пейзажей Крыма и России, нравов и обычаев крымских татар и рус[ских] крестьян»². В свою очередь, О. А. Фарафонова отмечает, что «“Досуги крымского судьи”, будучи произведением явно документальной ориентации, построены по образцу сентиментальной прозы: документальные факты, которыми

¹ Thiergen P. Images of Arcadia in Russian literature of the 18th–19th centuries // *Imagology and Comparative Studies*. 2015. No. 2 (4). P. 69–110. <https://doi.org/10.17223/24099554/4/4> EDN: 25294617; Галушко А. Д. Концепт «оазис» в «Путешествии по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году» П. И. Сумарокова // *Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Филологические науки*. 2021. Т. 7 (73). № 3. С. 30–40. EDN: JMSJLL

² Кафанова О. Б. Сумароков Павел Иванович // *Словарь русских писателей XVIII века* / ответственный редактор А. М. Панченко и др. Ленинград: Наука; Ленинградское отделение, 1988. С. 200.

изобилует травелог Сумарокова, перемежаются с субъективными переживаниями самого путешественника»¹.

Основная часть

Две поездки Сумарокова в Крым не были «досугами» в прямом смысле слова – говоря о себе как «авторе поневоле» и «словонабирателе», он пишет, что «давно желать ... видѣть Крымъ»² и «употребить праздные часы свои себѣ на пользу»³. Сумароков точен, указывая, что начал свое путешествие 15 мая 1799 года из Киевской губернии; также он приводит расстояния между населенными пунктами, в том числе в сводной таблице в конце текста, а также сопровождает свои заметки пейзажными миниатюрами, фиксирующими путевые впечатления автора.

Маршрут первого путешествия проходит через следующие крупные населенные пункты: Златополь – Миргород – Елисаветград (Кропивницкий) – Николаев – Херсон – Перекоп – *Ак-Мечеть (Симферополь)* (выделены повторяющиеся точки двух маршрутов. – О. К.) – *Кафа (Феодосия)* – Пантикапей (Керчь) – Судак – Алушта – *Гурзуф – Ялта – Балаклава – Ахтиар (Севастополь)* – Херсонес – Инкерман – *Бахчисарай – Ак-Мечеть (Симферополь) – Гезлёв (Евпатория)* – Перекоп – Херсон – Николаев – Очаков – Тирасполь – Златополь.

Второе путешествие началось в Санкт-Петербурге в 1802 г. с посещения Павловска и Царского Села и прошло по следующему маршруту: Новгород – Москва – Калуга – Орел – Курск – Харьков – Полтава – Новороссийск – *Ак-Мечеть (Симферополь) – Гезлёв (Евпатория) – Бахчисарай – Ахтиар (Севастополь)* – Балаклава – Инкерман – *Кафа (Феодосия)* – Таганрог – Тамань – Фанагория – Темрюк – Алушка – Мисхор – *Ялта – Гурзуф* – Алушта – *Кафа (Феодосия)* – Ахмечеть.

Маршрут выступает структурным стержнем текста, организуя пространство. В. М. Гуминский подчеркивает, что «путевой маршрут в литературе путешествий ... является определяющим фактором. Это своего рода сюжет путешествия, ... развернутый в пространстве и времени и обуславливающий его конструкцию, композицию»⁴. Вместе с тем «именно литературный текст, словесное описание было древнейшим и самым универсальным способом репрезентации географического пространства»⁵, поэтому продуктивно оценить, как путешественник осмысляет пространство, восприятие которого опосредовано дихотомией «реальное географическое» – «условно-художественное».

¹ Фарафонова О. А. Ориентальный травелог Павла Сумарокова («Досуги крымского судьи, или Второе путешествие в Тавриду») // Научный диалог. 2017. № 7. С. 75–76. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2017-7-70-82>; EDN: ZBGYZX

² Сумароков П. И. Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году. С историческим и топографическим описанием всех тех мест. Москва: Университетская типография, 1800. 238 с. Здесь и далее сохранена авторская орфография и дореволюционный шрифт.

³ Там же.

⁴ Гуминский В. М. Русская литература путешествий в мировом историко-культурном контексте. Москва: Институт мировой литературы им. А. М. Горького, 2017. С. 297.

⁵ Там же. С. 39.

Пространство путешествий – особенное, отличающееся направленностью, наличием вектора перемещения. В связи с этим нами было предложено ввести в исследовательский оборот понятие дестинации – территории, характеристика которой опосредована направленностью авторской интенции – стремлением «присвоить» пространство иного, сделать его личностно, культурно, политически значимым¹.

Дестинация в путевой прозе может восприниматься как *совокупность географических реалий; вражеская территория*, в том числе картины разрушений, диспозиции войск в ландшафтно-географическом контексте; *сакральная территория* – описание значимых для паломника пространственных символов, связанных с определенной религиозной практикой; *инокультурная территория*, содержащая совокупность объектов иной культурной системы; *пространство персонального смысла* – описание и фиксация ассоциативных рядов, возникающих в сознании читателя при посещении определенного места². Пейзаж, в свою очередь, маркирует собственно литературный переход – от документального факта к элементу эстетического кода.

Гипотеза исследования состоит в том, что пейзажи сентиментальной прозы конструируются по устойчивой модели, когда из набора определенных элементов формируются вариативные композиции. Воспроизводимые шаблоны отличаются типичностью, в связи с чем автор демонстрирует заранее заявленный диапазон эмоциональных реакций (восторг, восхищение, грусть, тоску и т. д.). В случае с текстами П. И. Сумарокова рационально-логическое начало превалирует над эмоционально-оценочным. Он – человек государев в условном пространстве сентиментализма.

Как правило, Сумароков осматривает объекты, имеющие важное социальное значение – церкви, карантин, крепости, тюрьмы и т. д.; он мыслит стратегически, предлагая свои проекты преобразования и обустройства Малороссии: «Сумароков как повествователь выступает в двух ипостасях: сентиментальный путешественник и ответственный чиновник и гражданин. Этим определяется очевидная неровность его произведения, сочетающего классицистическую убежденность, что всякий человек должен быть гражданином и полезным сыном Отечества, с сентиментально чувствительным воображением путешественника»³.

Нами было проанализировано 15 фрагментов, содержащих пейзажные описания разного объема, и определены устойчивые элементы, формирующие схемы этих описаний: характеристики визуальной (ориентировка и географический объект), звуковой (соносфера), одорической (ольфакторий) и кинестетической стороны пейзажа; оценочно-рефлексивные и культурно-аллюзивные компоненты. Необходимыми механизмами конструирования описаний также становятся логические операции сравнения и противопоставления.

¹ Кублицкая О. В. Дестинация как элемент травелогемы: способы метафоризации и освоения пространства // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. Ч. 2. № 9 (87). С. 272. <https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-9-2.12>

² Там же.

³ Сумароков П. И. Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году. С историческим и топографическим описанием всех тех мест. Москва: Университетская типография. С. 79.

В первой части дилогии нами было проанализировано 11 фрагментов (пейзажи Николаева – 3 фрагмента; окрестностей Перекопа – 1; Ак-Мечета – 3, долина реки Субаш – 1; Судак – 1; Ялта – 3). Во второй части нами было выделено 4 пейзажных фрагмента: Павловский парк, этюд о Малороссии в целом, описание Курска и местности за Новороссийском. Количество природоописаний уменьшается, однако их объем возрастает. Важно также подчеркнуть, что во второй части дилогии пейзажи становятся более абстрактными, что, на наш взгляд, объясняется двумя причинами: во-первых, как мы отмечали ранее, автор посещает многие места дважды; во-вторых, совершенствуется его писательское мастерство.

Рассмотрим несколько примеров, иллюстрирующих творческую манеру Сумарокова и его подходы к описанию природы, и специфику восприятия пространства-дестинации. Так, характеризуя Ялту, Сумароков последовательно конструирует развернутые природоописания юга. В первом отрывке перед нами величественное изображение изобильной природы; автором подчеркивается масштаб изображаемых объектов: «На пути проложенномъ *по чрезмѣрной надѣ моремъ высотъ*, представляются съ правой стороны *громады горъ* различныхъ видовъ; иныя *покрытыя лѣсомъ*, иныя же обнаженные»¹. Горы, таким образом, представляют собой застывшую стихию, способную уничтожить человека. Затем Сумароков подробно фиксирует разнообразие южной флоры, опираясь на сравнения и характеризуя одорическую сторону дикого пейзажа, не тронутого человеком, но создающего иллюзию регулярности: «Пріятной *лѣсокъ* составляетъ какъ нарочно насаженные аллеи, въ которыхъ *приморская сосна, похожая на величественный кедръ* ... делаютъ тамъ покрытые и тѣнистые ходы; дикой виноградъ обвившись вокругъ шиповныхъ кустовъ спускаетъ изъ подъ розовыхъ его цвѣтовъ свои мѣлкіе грозды, а благовонные деревья и травы разносятъ *тончайшій по воздуху ароматъ*»². Отдельное внимание автор уделяет соносфере, фиксируя многообразие природных звуков – шума воды и щебетания птиц: «Обильныя *каскады переливаясь и пѣнясь* съ одной каменной скалы на другую, съ великимъ шумомъ падаютъ въ ущелья и повсюду *раздаются. Перекликаніе птицъ*, прославляющихъ свою свободу, смѣшиваетъ пѣніе ихъ, и *эхо унылой кокушки прерывается свистомъ соловья*»³. Завершает отрывок живописная картина моря, в описании которого акцент сделан на игру света и цвета в разнообразных сравнениях: «Въ лѣвую сторону является подъ ногами *открытое море*, коего *струи* отъ преломленія въ нихъ солнечныхъ лучей *отливаютъ какъ перломутръ*, и къ нему склоняется *гора Амфитеатромъ*, покрытая площадками, лѣсными островками, и жѣлтеющими нивами»⁴. Модель описания такова: ориентировка + географические объекты + ольфакторика + сравнение + соносфера + ориентировка + географические объекты + сравнения. Пространство воспринимается автором как совокупность географических реалий с элементами идиллического.

¹ Сумароков П. И. Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году. С историческим и топографическим описанием всех тех мест. Москва: Университетская типография. С. 99.

² Там же.

³ Там же. С. 100.

⁴ Там же.

Второй фрагмент открывается обращением к литературным авторитетам, в частности, к дяде, поэту А. П. Сумарокову: «Ты, великий Лирик, и ты, сладостный творец Семиры! Здѣсь-то бы и надлежало вамъ бряцать на стройныхъ лирахъ своихъ»¹. Природная стихия рассматривается автором как источник творческого вдохновения: «Взирая при берегъ ревущаго моря на разверстыя пропасти, на курящіеся верхи горъ, и на смѣющіеся предметы воображеніе ваше еще болѣе бы воспламенялось и открыло бы вамъ новыя въ картинахъ тайны»². Ландшафт становится для Сумарокова базой реконструкции античных мифологических сюжетов от титаномохии до многочисленных божеств, связанных с производительными силами природы: «Вотъ сїи громады, помѣщенныя однѣ на другія, сказали бы вы, напоминаютъ брань Гигантовъ противъ боговъ. Въ этом-то густомъ лѣсу Діана преслѣдовала звѣрей и Дріяды обитали. Тамъ Цецера увѣнчанная колосьями предускоряла жатву; Помона вливала вкусные соки въ различные плоды, и Панъ играющій въ свирѣль забавлялъ полевыхъ нимфъ»³. Все это относит нас к традициям Гесиода и Вергилия, прославляющих труд землепашца и чуткое отношение к природе. По мысли автора, описание пейзажей Крыма-Тавриды, «Новой Греции» способствует воскрешению идиллической традиции от Феокрита до того же Вергилия (сосланный на берег Черного моря Овидий остается вне этой традиции): «Вы воспѣли бы здѣсь мирную и простую жизнь прошедшихъ вѣковъ, и въ оной-то странѣ вопреки Овидію положили бы прежнее существование Елисейскихъ полей»⁴. Модель описания: рефлексия + географические объекты + аллюзии + идиллическая традиция. Пространство как совокупность географических реалий дополняется представлениями о территории персонального смысла.

По сходной схеме строятся пейзажные описания во второй части дилогии, открывающейся идиллическим пейзажем Павловского парка. Изначально акцент сделан на звуковой стороне природоописания – шуме каскадов и пении птиц: «Здѣсь ничто не прерываетъ согласнаго пѣнія, поющихъ хоромъ птицъ, ничѣмъ не заглушаетъ тихо шумящихъ и вдали переливающихся каскадъ; здѣсь все дышетъ кротостію, миромъ и тишиною»⁵. Затем автор рисует богатую свето- и цветообозначениями картину парка: «Дерева другъ къ другу приклоняются и осторожно верхами своими помаваютъ, зефиры по лужкамъ рѣзвясь между собою, порхаютъ въ густоту шелковистой зелени, прозрачныя въ рѣчкахъ струи, едва по камушкамъ катятся, а умирающіе лучи Солнца, переходя за ними изъ одной излучины въ другую, разстилаютъ по ихъ поверхности пурпуровыя свои полосы»⁶. Показательно, что Сумароков дает нам картину смены времени суток, что с очевидностью добавляет пейзажу динамики. Модель описания следующая: ориентировка + географический объект + рефлексия + оценочность + соносфера + идиллическая традиция + географические

¹ Сумароков П. И. Досуги крымского судьи, или Второе путешествие в Тавриду: в 2 ч. Ч. 1. Санкт-Петербург: Императорская типография, 1803. С. 101.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 10.

⁶ Там же.

объекты. Пространство может быть интерпретировано как наполненное персональным смыслом.

Наконец, пейзажный этюд, посвященный Малороссии, проникнут риторическим пафосом и основан на противопоставлении двух миров – столичного и окраинного. Сумароков последовательно сравнивает «настроение» рек, характер построек и в целом городскую суету с провинциальным покоем: «Итакъ прощай *прелестный градъ*, я въ *мирную Тавриду* ѣду; прощай *горделивая Нева*, – я на брега *быстраго Салгира* преселяюсь; простите *роскошныя и суетныя забавы*, я къ *простотѣ, уединенію и тишинѣ* направляю теперь мои мысли. На мѣсто *великолѣпныхъ твоихъ зданій*, тщеславныхъ украшеній, *веселая природа* обратитъ на себя мое вниманіе»¹. Далее он по памяти реконструирует воображаемый пейзаж, лишенный конкретных территориальных примет: «Я увижу, какъ устилаетъ она *луга зелеными коврами*, какъ разсаживаетъ въ *узоръ ароматныя цвѣты*, какъ подбираетъ *подъ тѣнь различныя древа*, разставляетъ клумбами, по приличнымъ мѣстамъ кустарники, какъ проводитъ по долинамъ *журчащія роднички*, и какъ *при нѣжной зарѣ она пурпуромъ усыпаетъ сквозящій небесный сводъ*»². Затем следует противопоставление звуковых характеристик, а после – концептуально-идеологическое сравнение двух идеологем, «Северного проекта» Петра и «Греческого проекта» Екатерины: «На мѣсто согласныхъ твоихъ оркестровъ и раздающагося пѣнія на шлюбкахъ гребцовъ, *прелестная пѣночка восхититъ меня и эхо пастушей свирѣли* произведетъ сладостное въ душѣ уныніе. Я покидаю мѣста *Петровы* и пускаюсь въ страну *Великой Екатерины*. – Здѣсь *побѣды*, тамъ *премудрость!*»³ Модель описания: противопоставление + географические объекты + противопоставление + идиллическая традиция + противопоставление + ольфакторика + соносфера + противопоставление + сонорика + идиллическая традиция + противопоставление. Пространство с очевидностью становится территорией персонального смысла.

Выводы

В целом в пейзажных описаниях наиболее часто (в 11-ти случаях) встречается ориентировка и указание на географические объекты (15 упоминаний), что формирует первый уровень пейзажного описания – совокупность географических реалий. Обнаружено 4 примера сравнения (3 сравнения в прямом значении и 1 метафора) и 1 антитеза; 5 оценочных фрагментов и 4 элемента рефлексии, формирующих пространство персонального смысла. Характеристике запахов посвящено 5 фрагментов, звуков – 3. Идиллическая традиция обнаруживается в 4 описаниях, что маркирует стремление автора вписаться в античную традицию, формируя (ино)культурное пространство. Сумароков последовательно оттачивает писательскую технику, стремясь создать более объемные природоописания, избегает повторов. Будучи «автором поневоле», сконцентрированным в большей степени на объективной оценке увиденного, он занимает позицию активного наблюдателя, в связи с чем отдельного упомина-

¹ Сумароков П. И. Досуги крымского судьи, или Второе путешествие в Тавриду: в 2 ч. Ч. 1. Санкт-Петербург: Императорская типография, 1803. С. 14.

² Там же. С. 14–15.

³ Там же. С. 15.

ния заслуживают гравюры, выполненные в традиционной для начала XIX в. живописной технике. В первой части их 19, включая собственно пейзажи Перекопа, Евпатории, Чуфут-Кале, Инкермана; виды Георгиевского монастыря в Балаклаве, города-крепости Чуфут-Кале, развалин Херсонеса. Во второй части 24 гравюры, в том числе 14 пейзажей.

Таким образом, Сумароков оказывается в пространстве, которое организовано иерархически – первый уровень явлен как естественное пространство географических реалий; второй – как детерминированное пространство персонального смысла, причем для автора это прежде всего древняя территория, которой в результате славных побед приросло Российское государство, где инокультурные различия оказались отчасти нивелированы. Пространство прозы Сумарокова зачастую остается картографически точным и в этом смысле не всегда соответствует традиционным представлениям об эмоционально-рефлексивной топографии, аллюзивной метафоричности и субъективности, свойственной прозе сентиментализма. Наряду с этим выбор маршрута свидетельствует о стремлении удержаться в орбите традиции.

Список литературы / References

Галушко А. Д. Концепт «оазис» в «Путешествии по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году» П. И. Сумарокова. *Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Филологические науки*, 2021, т. 7, № 3, с. 30–40. EDN: JMSJLL

Galushko A. D. The concept of oasis in the “Journey across the Crimea and Bessarabia in 1799” by P. I. Sumarokov. *Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philological sciences*, 2021, vol. 7, no. 3, pp. 30–40. (In Russ.) EDN: JMSJLL

Гуминский В. М. *Русская литература путешествий в мировом историко-культурном контексте*. Москва: Институт мировой литературы им. А. М. Горького, 2017. 605 с.

Guminskii V. M. *Russian travel literature in the world historical and cultural context*. Moscow: Institut mirovoi literatury im. A. M. Gor'kogo, 2017. 605 p. (In Russ.)

Кафанова О. Б. *Сумароков Павел Иванович. Словарь русских писателей XVIII века* / ответственный редактор А. М. Панченко и др. Ленинград: Наука. Ленинградское отделение, 1988, с. 199–202.

Kafanova O. B. *Sumarokov Pavel Ivanovich. Dictionary of Russian writers of the XVIII century*; editor-in-chief: A. M. Panchenko and others. Leningrad: Nauka, Leningradskoe otделение, 1988, pp. 199–202. (In Russ.)

Киселев В. С., Васильева Т. А. Эволюция образа Украины в имперской словесности первой четверти XIX в.: регионализм, этнографизм, политизация (статья первая). *Вестник Томского государственного университета. Филология*, 2013, № 3 (23), с. 63–79. EDN: QAIYLF

Kiselev V. S., Vasil'eva T. A. Evolution of image of the Ukraine in imperial literature of the first quarter of 19th century: regionalism, ethnography, politicization (Article I). *Tomsk State University Journal of Philology*, 2013, no. 3 (23), pp. 63–79. (In Russ.) EDN: QAIYLF

Кублицкая О. В. Дестинация как элемент травелогемы: способы метафоризации и освоения пространства. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*, 2018, ч. 2, № 9 (87), с. 271–275. <https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-9-2.12>

Kublitskaia O. V. Destination as an element of the travelogeme: ways of metaphorization and development of space. *Philology. Theory & Practice*, 2018, part 2, no. 9 (87), pp. 271–275. (In Russ.) <https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-9-2.12>

Сумароков П. И. *Досуги крымского судьи, или Второе путешествие в Тавриду: в 2 ч, ч. 1.* Санкт-Петербург: Императорская типография, 1803. 273 с.

Sumarokov P. I. *Leisure of the Crimean Judge, or Second Journey to Taurida: in 2 parts, part 1.* St Petersburg: Imperatorskaia tipografiia, 1803. 273 p. (In Russ.)

Сумароков П. И. *Досуги крымского судьи, или Второе путешествие в Тавриду: в 2 ч, ч. 2.* Санкт-Петербург: Императорская типография, 1805. 275 с.

Sumarokov P. I. *Leisure of the Crimean Judge, or Second Journey to Taurida: in 2 parts, part 2.* St Petersburg: Imperatorskaia tipografiia, 1803. 273 p. (In Russ.)

Сумароков П. И. *Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году. С историческим и топографическим описанием всех тех мест.* Москва: Университетская типография, 1800. 250 с.

Sumarokov P. I. *Journey across Crimea and Bessarabia in 1799. With historical and topographical description of all those places.* Moscow: Universitetskaia tipografiia, 1800. 250 p. (In Russ.)

Фарафонова О. А. Ориентальный травелог Павла Сумарокова («Досуги крымского судьи, или Второе путешествие в Тавриду»). *Научный диалог*, 2017, № 7, с. 70–82. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2017-7-70-82>; EDN: ZBGYZX

Farafonova O. A. Oriental travelogue by Pavel Sumarokov (“Leisure of the Crimean Judge, or Second Journey to Taurida”). *Scientific Dialogue*, 2017, no. 7, pp. 70–82. (In Russ.) <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2017-7-70-82>; EDN: ZBGYZX

Thiergen P. Images of Arcadia in Russian literature of the 18th–19th centuries. *Imagology and Comparative Studies*, 2015, no. 2 (4), pp. 69–110. <https://doi.org/10.17223/24099554/4/4>; EDN: 25294617

Сведения об авторе

Ольга Викторовна Кублицкая – кандидат филологических наук, доцент; <https://orcid.org/0000-0002-1411-1567>, elkala@inbox.ru, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (48, набережная реки Мойки, 191186 Санкт-Петербург, Россия); **Olga V. Kublitskaya** – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, <https://orcid.org/0000-0002-1411-1567>, elkala@inbox.ru, Herzen State Pedagogical University of Russia (48, Moika Embankment, 191186 St Petersburg, Russia).

Статья поступила в редакцию 02.05.2024; одобрена после рецензирования 06.06.2024; принята к публикации 20.06.2024.

The article was submitted 02.05.2024; Approved after reviewing 06.06.2024; Accepted for publication 20.06.2024.